

Вячеслав Береснев

Жертва

Вячеслав Береснев

Жертва

«Издательские решения»

Береснев В.

Жертва / В. Береснев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854860-4

Семь людей, почти не знакомых друг с другом. Семь историй, которые почти не перекликаются между собой. Семь «жертв» проклятого города, которым придётся сделать сложный выбор. И семь раз придётся выбрать из двух зол худшее. Отважится ли хоть кто-нибудь из них без страха взглянуть в собственное отражение?

ISBN 978-5-44-854860-4

© Береснев В.
© Издательские решения

Содержание

I. Доктор	6
II. Запрещённая литература	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Жертва

Вячеслав Береснев

*Посвящается моим дорогим друзьям, Фросту и Риннэ.
Ребята, без вас я бы не справился*

© Вячеслав Береснев, 2017

ISBN 978-5-4485-4860-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Доктор

– Чтоб я ещё хоть раз кого-то вылечил... – проговорил Мартин, сжимая пальцами сигарету, уже прошедшую половину пути к тому, чтобы стать окурком. Деревянный стол под его локтями был весь усеян чёрными ожогами – Мартин имел привычку тушить о него сигареты.

Из тёмного отражения окна напротив на Мартина смотрел усталый человек с опухшими глазами, уже достаточное время не брившийся, потому что в этом городе невозможно было достать нормальную бритву. А те, что попадали к нему в руки, не разрезали бы даже кусок масла. В пыльной белой рубашке, да в грязной жилетке.

– Кто-нибудь... – глухо надрывался в коридоре мужской голос. – Помогите...

Наверняка кровью опять пол да стены заляпал. Лишний повод для Мерседес – их престарелой уборщицы – собрать с каждого жильца на доллар побольше обычного.

– Чтоб я ещё хоть раз... – повторил сам себе Мартин, кладя сигарету в пепельницу и скользнув взглядом по лежащей рядом пустой пачке сигарет марки «Дастин». Иногда эту пачку он использовал для чтения вместо газеты: состав сигарет был интереснее, чем очередная ложь, которую печатают в местной еженедельной газете. «Уикли Эшвуд» из раза в раз радовала своих читателей тем, насколько в этом городе всё прекрасно.

Тогда как Эшвуд являлся локальным филиалом ада на земле.

Этот небольшой городок, лежащий близ границы штата Виргиния, никогда не был ни оплотом культурного или исторического наследия, ни прибежищем для туристов, и уж совсем редко кто-то приезжал сюда за хорошей жизнью. Эшвуд выживал за счёт находящихся в нескольких милях шахт, так что не удивительно, что у доброй половины здешних мужчин, достигших солидного возраста, чёрная пыль с рук почти никогда не исчезала, наоборот – со временем въедалась под кожу, делая её пепельно-серой. Так что красавчиками – да и красавицами тоже, – Эшвуд был не богат – в отличие от различных минералов и горных пород, которых в округе было в избытке.

Мартин Лид, повидавший на недавно отгремевшей войне всякое, едва ли понимал, почему он вообще остался жить в этой тёмной, задымлённой клоаке мира сего, где каждый день две крупных мафиозных семьи делили между собой, казалось, каждый квартал, неизменно теряли и неизменно приобретали новые территории и новых людей. Ценой всем этим войнам – трупы гангстеров, которых никто никогда не вспомнит добрым словом, да койки в больницах, где каждый доктор до единого знаком с мафией не понаслышке, а потому сперва вытащит пулю из очередного пройдохи, даже если в этот момент на соседней койке какой-то бедняга будет умирать от пневмонии. Врачей, вытаскивающих с того света гангстеров, не трогают. У иных, в лучшем случае пропадают из дома родственники. В худших же случаях родственников оставляют дома – но в таком виде, что те уже никому ничего не могут рассказать, кроме Всевышнего.

Мартин служил в своё время военным врачом, и, пожив в Эшвуде какое-то время, благодарил пыльные небеса за то, что не устроился работать в какую-нибудь из местных больниц. Какой-то пьянчуга в баре разболтал ему, что, работая в больнице и спасая кого-то, ты порой можешь нажать себе врагов покрупнее, нежели если просто кого-то убьёшь, и его труп найдут в подворотне. Что уж говорить о тех врачах, что плохо справляются со своими обязанностями.

После таких откровений, Мартин решил, что не станет наживать себе проблем, если не будет рваться работать в местные больницы. Другое дело, что после войны он больше ничего не умел, кроме как вытаскивать пули или обеззараживать ранения разной степени тяжести. Ему нужен был какой-то заработок.

Первое, на что наткнулся Мартин в поисках работы – небольшая книжная лавка, чей хозяин был первым в Эшвуде человеком, проявившим к бывшему врачу подобие тёплых

чувств. Старик Сэм Уолтер был одинок, поэтому любил почесать языком – в том числе и про политику, которая была достаточно опасной темой в то время. Уолтер часто рассказывал про былые времена, про ушедшие годы, про погибшую жену, про своего сына, который работает в редакции местной газеты. Мартин видел несколько номеров «Уикли Эшвуд» и знал, что правды на страницах примерно столько же, сколько в Эшвуде честных людей – очень мало. Уолтер, тем не менее, своим сыном очень гордился. Через какое-то время он, кажется, понял, что Мартину в магазине не место и порекомендовал ему попробовать себя в роли журналиста: «Уикли Эшвуд» неплохо платила своим сотрудникам. Недолго думая, Мартин согласился, и даже принял небольшой конверт с рекомендательным письмом от отца к сыну.

К сожалению, тёплых чувств старика редактор не разделил: порвав конверт с письмом прямо на глазах Мартина, он сказал, что даст ему шанс, а спустя несколько дней погнал из редакции в шею, крича, что даже первоклассник напишет простейшую заметку лучше него. Мартин не спорил: складывание предложений у него действительно шло из рук вон плохо.

Спустя несколько дней в газете он прочёл, что книжная лавка Уолтера сгорела. Причины пожара оставались неизвестны, но журналист ссылался на утечку газа.

Перебиваясь раз за разом, Мартин так нигде и не проработал больше месяца, пока не наткнулся на единственный выход: шахты. Туда брали всех без разбора, и туда рано или поздно приходили те, кто не находил себе другого способа заработка. Платили мало, зато зарплату не задерживали и выдавали исправно, а в перерывах ещё и кормили.

– Нам платят гроши, потому что всеми шахтами владеют Лой, – бормотал человек, стоящий рядом с Мартином, во время короткого перерыва. – Они хозяева всего в этом чёртовом городе...

– Лой? – переспросил Мартин.

Бормочущий человек посмотрел на него пустыми глазами.

– Бойтесь Лой. Никогда не играйте с ними в игры. Это мафия, сэр. Большие люди. И они очень жестоки к своим врагам.

– Эй, Спенсер, хорош лясы точить! – прокричал кто-то, и бормочущий человек испуганно съёжился, обернувшись. Неуклюже напялил на голову каску и посеменил туда, откуда его позвали.

Этот Спенсер всегда выглядел замкнутым и запуганным. Среди шахтёров ходили слухи, что он проиграл этим самым Лой крупную сумму денег и теперь дрожал от каждого шороха. «Если не буду осторожен, – подумал Мартин, – то скоро стану таким же».

Однажды Мартин возвращался домой с работы и застал на лестнице человека в пальто и фетровой шляпе, с обильно кровоточащей раной над коленом. Неизвестно, почему этот парень решил дожить свои последние минуты именно здесь. Когда Мартин переступил через него, он лишь сверкнул угрожающим взглядом, но ничего не сказал.

– Вам помочь? – учтиво спросил он.

Человек недовольно глянул на него, морщась от боли.

– Что, врача вызовешь? Меня в больницу не возьмут.

– Я могу вытащить пулю, – скромно предложил Мартин.

Он помог человеку встать, завёл его в квартиру, усадил, заставил снять штаны, за несколько долгих минут провёл необходимые операции и наконец пинцетом извлёк пулю. Человек морщился, но не издал ни звука, что немало удивило Мартина. Видимо, боль терпеть он умел.

– Вроде бы всё. Вам дать трость?

– Не, спасибо, док, – в голосе человека чувствовались некоторые отголоски признательности. – Я... даже, если честно, не знаю, что сказать. Ты ведь не из Лютенев?

Мартин пожал плечами.

– Лютены – это их ещё одна банда?

– Паскуды они, а не банда, – зло ответил человек, надевая штаны. – Настанет день, и мы выметем их прочь из города.

Мартин промолчал.

– Слушай, а почему ты сделал это? – спросил незнакомец, управившись с ширинкой. – Почему ты меня спас? Я же... Типа, при других обстоятельствах я и грохнуть тебя мог.

– Я не знаю, – честно ответил Мартин, не оборачиваясь. – Я военным врачом был. Просто сделал то, что привык. Какая мне разница, кто ты... если тебе нужна моя помощь.

Гангстер протянул ему руку.

– Кейн Адамс, док. Как-нибудь сочтёмся.

Доктор с недоверием пожал её.

– Мартин Лид. Постарайтесь не умирать под моей дверью.

Таково было первое знакомство Мартина с членом мафиозной семьи Лой, принесшее ему больше вреда, чем пользы. Спустя несколько дней в квартиру к нему вломилась неизвестные, и хорошенько поработали над тем, чтобы на теле Мартина не осталось ни одного места, не заплывшего массивным синяком. Сквозь звон в ушах Мартин расслышал, что его били за то, что он вылечил от пули члена семьи Лой. Ни его невнятные мольбы о пощаде, ни попытки объяснить, что он ничего не знал, не спасли его от побоев. Его не пристрелили лишь потому, что в Эшвуде хороший врач был на вес золота.

– Чтоб я ещё раз кому-то помог... – бормотал себе Мартин, слушая, как постепенно жалобный вой человека под дверью превращается в хрип. Он проклинал собственную добросердечность, и проклинал тот миг, когда ему пришлось в голову вытащить пулю из незнакомца.

– Я никому не стану помогать. Я никому не стану помогать, – повторял он сам себе раз за разом. – Так будет лучше.

Но что-то внутри него не давало ему согласиться с его собственными словами. Что-то непрекаемое и твёрдое в его груди подталкивало его снова помочь человеку, который нуждался в помощи. Мартин не знал, что это, и не давал этому никаких определений, он лишь знал, что это же самое «что-то» на войне не позволяло ему попадать в людей в те моменты, когда в руки приходилось брать винтовку. Мартин стрелял, потому что не стрелять было нельзя, но в редкие моменты, когда он делал это, никто так и не заметил, что он никого не подстрелил. От его рук умерли многие, но не потому, что он этого хотел. Так что хотя бы здесь Мартин старался остаться «чистым».

Он сам иногда посмеивался над такой формулировкой в отношении себя самого.

Наконец звуки из коридора стихли. Две или три минуты Мартин сидел, опустив голову на руки, и слушая перестук старых часов на кухне.

Тишина была нарушена несколькими торопливыми ударами в дверь.

«Лой и Лютены не стучат в двери, в которые хотят войти, – подумал Мартин, машинально поднимаясь. – И уж тем более, не стучат подстреленные гангстеры. Тогда кто это может быть...»

На несколько секунд он задержался перед дверью, подумав о том, что, открыв, сначала увидит труп, и только затем – посетителя. Угрызения совести тоже никогда не стучат в дверь.

На пороге стоял человек в форменной чёрной рубашке с коротким рукавом. «Полицейский», – безрадостно подумал Мартин.

– Чем могу...

– Луи Квеллес, полиция Эшвуда, – представился гость. – Этого, – он кивнул на лежащего на полу бандита, – ранило, у вас есть телефон? Позвонить бы куда следует...

Мартин бесстрастно смотрел на тяжело дышащего бледного человека, уже наверняка сочиняющего себе глупые сказки про свет в конце туннеля.

– Помогите занести его, – тихо и холодно сказал он Луи, глядя на него мёртвыми глазами.

Полицейский ничего не говорил, пока Мартин тем же пинцетом извлекал пулю, обрабатывал рану, в общем – делал то единственное, что он хорошо умел делать.

– Вы врач? – спросил он, когда Мартин наконец окончил свои безмолвные операции.

Тот коротко кивнул.

– 440-й пехотный.

– А он товарищ ваш?

Мартин помотал головой.

Полицейский помолчал, обдумывая его ответ.

– А что ж вы его тогда... – он не договорил.

Мартин молча поднял глаза и долго смотрел в лицо Луи Квеллесу. Поступив на такую службу в таком городе, тот едва ли понимал, каково это – убивать людей, спасти им жизнь, или же балансировать на грани, делать выбор между этими двумя... и неизвестно, где ты сам после этого выбора окажешься.

Ответа так и не прозвучало.

– Спасибо... – прохрипел спасённый. Глаза его испуганно бегали по квартире Мартина, ожидая подвоха. – Док, спасибо... Я из Лютенев, ты... Ты знаешь, я расскажу нашим, док... Тебя не тронут...

Ни один мускул на лице Мартина не двинулся: он снял с вешалки широкополую шляпу спасённого и бросил её на грудь хозяину.

– Как только сможешь встать, уходи, и чтобы я тебя больше здесь не видел, – как всегда тихо произнёс Мартин.

Дождь который день дождь барабанил по окнам. Так и не найдя для себя нормальной работы, Мартин изо дня в день возвращался домой с шахт обессиленный, смотрел на шляпу, которую оставил ему – видимо, на память – спасённый убийца. Он думал о том, был ли вообще смысл спасать тех, кто на следующий же день пойдёт рисковать собственной шкурой ради каких-то призрачных целей, надежд, мечтаний или идолов, чтобы снова попасть под пулю, и снова его нужно будет спасать – Мартину Лиду, или кому-то ещё вроде него, кому не всё равно. Смысла, наверное, нет, но дело в совести. Только этот незримый призрачный мотиватор останавливает от того, чтобы закрыть глаза на чужое горе. Пускай у тех, кого спас Мартин, совести ровно столько же, сколько он не уберёт от пуль – то есть, ни на грош, пускай, в Эшвуде совесть и вовсе ничего не значит.

За такими мыслями курящего Мартина и застал звук вышибаемой двери.

– Э, скотина! – крикнул кто-то нарочито громко, делая несколько выстрелов в воздух, от которых Мартин вздрогнул, мгновенно пропотев. – Ты ничего не хочешь нам сказать?!

...Сценарий повторился: к нему ворвались и его избili. Только на этот раз это были Лой, очень недовольные тем, что кто-то из Лютевов его рукой был спасён.

Мартин был слаб, безоружен и беззащитен против этих людей с пистолетами и грозными взглядами, за спинами которых – ещё сотня таких же людей. Они контролируют всё и вся, от них нет спасения, нет укрытия, и стоит посмотреть на одного, как его враг уличит тебя в сговоре. Можно сколько угодно твердить самому себе высокопарные речи о совести, думал Мартин, мучительно разминая медленно заживающие пальцы, которые ему знатно оттоптали. Только вот правда в том, что в привычках человека – заставлять совесть молчать, если обстоятельства звучат достаточно громко.

Руки часто дрожали: едва ли теперь они в состоянии были держать пинцет.

– Чтоб я ещё раз кого-то вылечил... – бормотал Мартин, сжимая трясущимися пальцами сигарету. Стол был полностью чёрным: однажды Мартин выронил спичку и чуть его не спалил.

За дверью раздавался плач женщины, на руках у которой умирал ребёнок. Она молила о помощи. Но теперь Мартин был умнее и знал, что это может быть женщина одного из Лой или Лютенов. И помогать ей нельзя, чтобы не навлечь на себя ещё чей-нибудь гнев.

Они сами виноваты. Это он здесь жертва. Он не обязан помогать тем, кто добровольно в это впутался.

– Чтоб ещё раз... – бормотал Мартин, глядя в собственное отражение в тёмном окне. Совесть успокаивалась.

II. Запрещённая литература

Заходя в почти опустевшее здание полицейского участка, офицер Джим Андерсон взглянул ещё раз на кусочек картона, на котором было неаккуратно, но цветасто выведено:

*«Папа, поздравляю с Днём Рождения!
Твоя дочка Эмили Андерсон»*

Улыбнувшись, Джим сунул его в нагрудный карман. Подумать только, что его дочка Эми уже совсем скоро пойдёт в школу! Джим был очень гордым отцом. И сегодня ему исполнилось тридцать два, с чем его прямо с порога и поздравила шестилетняя дочурка.

Жаль только, что празднование не задалось. Стоило ему переступить порог дома, как раздался звонок с работы: шеф приказывал явиться, несмотря на уже позднее время. Джим Андерсон не привык задавать вопросы, и знал, что, раз вызывают – значит, дело срочное. Досадовало он лишь на то, что целый день прошёл на удивление тихо – такое в Эшвуде случалось очень редко. И, стоило Джиму покинуть свой пост, как шеф тут же звонит и приказывает явиться. Учитывая то, каким человеком он был, подобное поведение с его стороны было, как минимум, необычно.

В опустевшем участке царил полумрак. Парочка офицеров почему-то не торопилась домой и о чём-то переговаривалась возле кофейного автомата в фойе. Их негромкий разговор сопровождался неровным гудением мигающей лампы, напоминавшим ожиревшего шмеля. Окинув взглядом пустое место диспетчера, Джим снял фуражку и проследовал в кабинет шефа.

Стоило ему зайти в кабинет, как он понял: разговор ждёт неформальный. Обычно встречающий подчинённых сидя за столом, Грегори Тетч стоял к двери спиной, глядя в тёмное окно. Свет в кабинете был выключен: горела только лампа на столе шефа.

– Офицер Джим Андерсон прибыл, сэр, – представился по форме полицейский, вытянувшись и отдав честь.

– Проходите, офицер, – прохрипел шеф, махнув рукой.

Он медленно развернулся, когда Джим приблизился к столу. Под глазами Тетча были изрядные мешки, а на лице читалась сильная озабоченность, которую шеф, кажется, пытался скрыть под равнодушием. Или не пытался скрыть вовсе – Джим вообще не привык, чтобы Тетч выказывал какие-то сильные эмоции.

Грегори Тетч вступил на должность шефа полиции незадолго до того, как туда пришёл работать Джим. Это был грузный, полный мужчина, настолько честно выполняющий свои обязанности, насколько в Эшвуде это вообще было возможно. Он никогда не брал взяток, старался не сотрудничать с мафией, и, что важно, никогда не высылал подчинённых на «подставные» задания. Как рассказали Джиму, при прошлых шефах такое не раз случалось: если нужно было «случайно» избавиться от кого-то из штата, шеф отправлял полицейского туда, где его ждали ребята для «разговора», и на следующий день рядом с именем этого полицейского в большинстве отчётов было выведено «погиб при исп. с. о.». Чистая, безотходная схема очень часто применялась, если шеф полиции был на коротком поводке у Лой или Лютенов. А подобное сотрудничество являлось очень полезным и для тех, и для других – но никак не для Эшвуда. Всем стало легче, когда оказалось, что Грегори Тетч не из таких.

Ему пришлось сильно потрудиться, чтобы занять руководящую должность, на которую уже метил преемник предыдущего шефа, чётко уяснивший, что полиции – по мнению мафии – стоит делать, а чего делать не стоит. Поговаривали, что пришлось действовать какими-то не очень честными методами, и это подтверждалось тем, что едва Тетч оказался у руля, он

первым же делом уволил человека, из-под носа которого было украдено рабочее место. Иногда ходили слухи, что Ларри Спенсер – тот самый преемник – так и не отказался от мысли отомстить Тетчу, но после увольнения о нём никто не слышал.

– Извини, что выбрал такой час. Ты сам поймёшь, почему я не сказал тебе это днём, когда участок кишмя кишит народом.

Джим не собирался задавать вопросов, ожидая, пока шеф сам всё выложит. Но уже после этих слов его начало грызть беспокойство. Тетч был сам на себя не похож, и, когда говорил, создавалось ощущение, будто каждое слово даётся ему с трудом.

Тяжело вздохнув, он присел за стол, скрестив перед собой пальцы массивных рук.

– Завтра, – заговорил он медленно, – в участок поступит звонок, мол, по сорок третьей Паралелю в одной из квартир живёт человек. Едешь с отрядом на место и арестовываешь владельца седьмой квартиры. Без вопросов.

– То есть? – опешил Джим. – За что его арестовать?

Тетч немного подумал, прежде чем ответить. Взглянул на Джима, вытащил из ящика свёрнутый лист бумаги и протянул офицеру со словами:

– Нашёл у себя сегодня.

Письмо было без подписи.

«Грегори Тетч, доброго времени суток. Автор этого письма – член крупнейшей семьи, управляющей в Эшвуде, просит вас об услуге: вы должны арестовать хозяина квартиры №7 по девятой Паралелю. Проблем не возникнет, потому что в этой квартире только один хозяин. Прошу, найдите причину – Вы умеете это делать. В противном случае, кто знает, что может случиться с девушкой, чьё фото приложено к письму?»

– У меня нет выбора, – сказал Тетч, и уже гораздо позже Джим осознал, что в тот момент он будто бы старался очень неуклюже извиниться. – Они приложили к письму фото моей дочери.

В Эшвуде существовали только одни «они», про которых даже шеф полиции не мог говорить без страха в голосе. И не важно, Лой это были или Лютены – «они» представляли ту огромную криминальную силу, что опутала сетями весь город и ни дня не давала жителям вдохнуть спокойно. «Они» были хозяевами этого города, и полицейские знали это, как никто другой. Однако до этого «они» ни разу не доходили до того, чтобы схватить Грегори Тетча за горло.

– И как... Вы себе это представляете? – спросил Джим. – Я просто приду и арестую его? Без причины?

Вместо ответа Тетч выудил из стола небольшую книгу в чёрном переплёте и пододвинул её к Джиму, перевернув. Обложка книги пестрела белыми остроугольными буквами:

«Mein Kampf»

– За такие находки можно засадить кого угодно без суда и следствия. Ваша задача – просто привести его в участок под предлогом того, что он хранит у себя нацистскую литературу.

Воцарилась гробовая тишина. Джиму было не по себе. Он медленно поднял руку. Пальцами притронулся к обложке. Медленно поднял книгу. Поднёс к глазам. Тяжёлая.

Казалось невероятным, что ему теперь придётся тащить домой то, за хранение чего людей в Эшвуде арестовывали, а книжные магазины закрывали. Интересно, обиделся бы фюрер за такое неуважительное отношение к его наследству.

Джим внимательно посмотрел на шефа. То, что он ему предлагал, походило больше на какой-то зловещий заговор, но Тетч не выглядел так, будто подобное доставляло ему какое-то удовольствие. Если бы не форма – Джим видел бы перед собой лишь пожилого, усталого человека, которому с трудом далось непростое решение.

– Можно ведь сделать что-нибудь, – неуверенно предложил Джим.

– А что я сделаю?! – не выдержал Тетч, сорвавшись.

Ладони его дрожали.

– Что я сделаю против них?! Я по рукам и ногам связан! Пойми, мне осталось совсем немного – я накоплю денег, чтобы уехать отсюда.

– Вы шеф полиции, в конце концов, – упорствовал Джим. – Вы можете нанять кого-нибудь, чтобы за Вашей дочерью приглядывали.

Тетч тяжело вздохнул.

– Я работаю здесь уже достаточно времени, Андерсоне, чтобы понять, что я не могу никому доверять. Все сферы Эшвуда прогнили под Лой и Лютенами насквозь, и полиция не исключение. Вы – один из немногих, кому я могу доверить жизнь своей дочери. Семья это самое ценное, что у меня осталось, Андерсон.

Видя, что Джим по-прежнему сомневается, Тетч наклонился к нему.

– У вас ведь у самого есть дочка. Что бы вы сделали на моём месте?

Последние слова Тетча звучали эхом в ушах Джима, когда он возвращался домой.

Действительно, неизвестно, каким образом поступил бы он сам, окажись он в такой ситуации... Нет, подумал Джим, как раз очень даже известно. Он сделал бы всё, чтобы его дочь была в безопасности, чтобы он снова смог получать от неё разноцветные открытки, выслушивать наивные поздравления, наблюдать, как она растёт. Лой и Лютены ни перед чем не остановятся, чтобы получить желаемое, и будь на их пути старик, женщина, ребёнок – они сметут с пути всех, кто будет мешать.

– Па-а-ап! – крикнула маленькая Эми, вбегая в кабинет отца. – Вот!

Она протянула ему полицейский жетон, который Джим судорожно искал.

– Ох ты моя умница! – он обнял дочку, поцеловав в макушку, прежде чем взять у неё из рук драгоценную находку. – Где ты его нашла?

– Ты его на шкафу оставил. Папа, он такой красивый!

– Очень! – Джим, поднявшись, прикрепил значок к рубашке. – Полицейским специально такие выдают, чтобы их все узнавали!

– А что такое по... по-ли-цеский? – малютка Эми с трудом выговорила новое слово.

Джим опустил ее перед ней на колени.

– Это моя работа. Полицейские следят за тем, чтобы одни люди не обижали других. Ещё они следят за порядком, и чтобы все жили дружно, и никто не нарушал закон.

– Как супергерои в комиксах?

– Ну... да, почти как супергерои.

– Тогда я тоже стану полицейским! – радостно сказала Эми. – Когда вырасту!

Джим улыбнулся, вставая, и направился к выходу.

– Не приведи Господь.

Полицейские Эшвуда, к сожалению, были далеки от идеалистичных представлений Эми Андерсон – как, впрочем, и все остальные полицейские. Джим был уверен, что, поступив на службу, он получит гарант, что его семья всегда будет в безопасности. Но он никогда бы не подумал, что для сохранения этой самой безопасности – но другой семьи – он должен будет

нарушить закон. Наверняка, Тетч тоже не думал о таком. Считал, что того, что он делает, будет достаточно.

Кто бы ни был в той квартире – от ареста, пусть и незаконного, он не умрёт, сказал себе Джим Андерсон, проходя по узкому мосту. А вот дочь шефа, так же ни в чём не виноватая, может умереть: мафия разбираться не станет. Что из этого является меньшим злом – посадить невиновного или подвергнуть серьёзной опасности ребёнка?

Левая и правая стороны моста Репент-бридж были разделены двумя полосами движения. Слева от моста тёмная вода практически стояла, а справа – бурлила шумным потоком. Джим шёл по правой стороне.

На минуту он остановился, глядя через край, затем выудил из кармана почти пустую пачку «Дастин» и потратил около десяти секунд, чтобы пустить в воздух первое облако пепельного дыма. Облокотившись на перила моста, Джим сделал небольшое приношение реке в виде упаковки из-под сигарет, которую тёмные воды мгновенно поглотили.

Решив немного постоять, он задумчиво курил, глядя в тёмную воду, в пене которой тонуло даже его отражение. Где-то вдалеке послышалась полицейская сирена – обычное дело для Эшвуда в тёмное время суток.

Во что превратится этот город, если каждый честный полицейский в нём хоть раз даст мафии себя поймать? Впрочем, усмехнулся Джим, куда ему превращаться. Именно из-за этого Эшвуд уже давно стал настоящим адом, из которого ни у кого нет выхода. Существует ли вообще спасение у этого проклятого города?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.